

УЗКАЯ ПОЛОСА ЗЕМЛИ

ТРАН МАЙ НАМ

Южновьетнамский журналист и писатель, участник национально-освободительной войны Тран Май Нам совершил поездку по двум провинциям Южного Вьетнама, расположенным у границы с ДРВ, в районе наиболее жестоких боев. Редакция публикует три главы из его книги «Узкая полоса земли», посвященной этой поездке.

Проводники

МЫ ИДЕМ среди огромных деревьев отравленного ядами леса. Темные ветки без листьев силуэтами смотрятся на низком, с тяжелыми облаками небе. Ноги у нас вязнут в толстом слое листвы. Сверху она еще ярко-зеленая, но ниже ржаво-бурая, гниющая от обилия влаги. Иногда проходим по открытому месту: деревья выворочены с корнями, беспорядочное нагромождение стволов и ветвей.

Бомбы и снаряды повсюду рвутся в Южном Вьетнаме, но здесь, в горах, утонувших в безбрежной зелени, это иступленное уничтожение природы кажется безумием. Трудно понять, чего же в конце концов они хотят. Неужели «Летающие крепости» прилетают сюда издалека, из Гуама, только затем, чтобы отравить лес, лишиться его зелени? Неужели их цель — эти маленькие поля маниоки и кукурузы?

Вчера начальник поста собрал нас в своей крытой листвой хижине, спрятавшейся в зарослях кустов. Его тихий голос, почти шепот, придавал в полутьме хижины какую-то особую серьезность его наставлениям. Переход предстоял тяжелый: много открытых участков, крутые подъемы, вполне вероятные бомбежки и обстрелы, не говоря уж о самолетах-разведчиках и неожиданных столкновениях с вражескими патрулями.

Сегодня утром начальник поста передал наш караван двум солдатам Освобождения, нашим проводникам. Оба еще совсем молодые. Один, начальник перехода, — смуглый, сухощавый, с курчавыми волосами. У второго рябоватое лицо, круглые глаза, выглядит он совсем мальчишкой. Мы обеспокоенно переглянулись.

— А что, вам уже исполнилось, наверное, восемнадцать лет? — спрашиваю я более молодого.

Он что-то бурчит в ответ. Я повторяю вопрос, тогда он отвечает более отчетливо, но с явным недовольством:

— Ясно, что исполнилось.

Мы отправились в путь. Не спят и американцы, их самолеты «Б-57», прячась за облаками, летят на бомбежку. С ревом проносятся эскад-

рильи «Фантомов» на север, за реку Бенхай¹. Дорога становится все труднее. Да и можно ли назвать это дорогой? Местами мы идем по едва заметной тропке, проложенной проводниками в зарослях по склону горы. Кой-где вырублены в скале грубые ступени. Зачастую приходится пообезьянничать, перебираясь с ветки на ветку.

Наш молодой проводник, идущий первым, останавливается и стаскивает с ног тяжелые от налипшей глины сандалии. Он бросает их рядом с тропой и наскоро маскирует ветками. Освободившись от лишней тяжести, он занимает свое место во главе нашей цепочки.

Караван продолжает свой путь на север. Самая узкая полоса земли нашей родины здесь, мы идем по ней. В школе, рассматривая карту, я представлял себе Вьетнам в виде стройной девушки с осиной талией. Вот она, эта талия. Не надо напрягать зрение, чтобы увидеть восточную границу нашей страны — океан прямо перед нами, почти у подножья гор. Кажется, что отсюда до его изумрудной глади всего несколько часов ходу.

Взбираемся по склону, заросшему лесом. Проводник часто останавливается, всматривается в заросли, прислушивается.

Несмотря на тяжелые облака, с утра не выпало ни капли дождя. Порывами налетает холодный ветер, треплет ветки деревьев; с шумом срысывается с листьев крупная роса.

На вершине холма снова останавливаемся. Внизу лежит лесок, еще белый от утреннего тумана. Проводник бросает туда камень. С громкими криками взмывают над деревьями птицы. Проводник оборачивается, улыбается нам и подзывает к себе.

— Марионетки! — показывает он пальцем следы от пуль на стволе дерева.

Несколько дней назад вертолет высадил здесь группу солдат марионеточных войск. Они устроили засаду. Произошла схватка, погиб один наш связной; у противника четверо убиты, остальные бежали. Проводник рассказывает подробно, он оживился, вспоминая одержанную победу. Но вот рассказ окончен, он снова во главе каравана. Лицо его опять серьезно и сосредоточенно.

Днем наконец проглянуло сквозь облака солнце. От его бледных лучей лишь усилилась духота в лесу. Все больше следов бомбежки, встречаются огромные воронки — до тридцати метров в диаметре. Деревья стоят красные от поднятой взрывами земли.

Посреди вспоротых бомбами холмов извивается горный поток. Множество их, стекая с голубых гор, закрывающих горизонт на западе страны, несут животворную пресную воду горячим пескам узкой прибрежной полосы. Но для нас эти

¹ По реке Бенхай проходит граница между Северным и Южным Вьетнамом.

реки — трудные преграды. Спокойная прозрачная вода их, где видны стайки рыб, вдруг превращаются в ревущий поток с множеством водоворотов — достаточно нескольких часов проливного дождя. Не один караван, застигнутый врасплох, вынужден был разбивать лагерь в прибрежном лесу и по нескольку дней ожидать спада воды, питаясь одним рисом, а то и дикими травами. Эти реки — излюбленная цель американских самолетов. Мы слышали, что и в Северном Вьетнаме берега многих рек изрыты бомбами.

Очередная река на пути нашего каравана. Уже издали мы видим белую пену на ее поверхности — явный признак, что вода прибывает.

Наш проводник останавливается у края тропы, спускающейся в ущелье. Самолет-разведчик патрулирует над рекой. Раздражающе действует на нервы его урчанье и подозрительная медленность полета. Начальник перехода, который шел все время замыкающим в цепочке, подходит к нам и предлагает укрыться в кустарнике. Потом он идет к своему товарищу. Первый раз за время пути они о чем-то советуются. Пока все шло как по маслу.

Мы укрываемся в рощице, не тронутой химическими ядами. Мой друг Куок ложится на охапку веток.

Теперь самолет кружит над бродом. На обоих берегах ни души. Что же привлекло внимание разведчика? Наше беспокойство растет. Если мы задержимся на реке, то можем опоздать к встрече с проводниками следующего поста, придется возвращаться.

Куок направляется к проводникам.

— Ну что ж, товарищи, сможем мы переправиться?

Проводники смотрят друг на друга, лица их озабочены.

— Придется ждать, пока улетит самолет, — говорит затем начальник.

— Может быть, есть другой брод поближе?

— Да, но течение там гораздо быстрее, а среди вас не все умеют плавать.

Ксуонг, который тоже слышит этот разговор, угрюмо молчит. Это он не умеет плавать. Бомбардировщики «Б-52» и «Б-57» меньше волнуют его, чем реки, которые должны встретиться в пути.

— Хорошенькая будет история, если мы опоздаем! — с досадой говорит Куок.

Проводники молчат. Потом начальник перехода говорит:

— Не нужно волноваться, время у нас еще есть. Надо разведать.

Вернувшись к нам, Куок достает из целлофанового мешочка щепотку табаку, свертывает из газетной бумаги сигарету. Проделывает он это неторопливо, чтобы заглушить в себе нетерпение.

Проводники совещаются вполголоса. Они не знают, с каким заданием идет каждый из нас на Север, но они знают, что это важные задания. Опаздывать нам нельзя.

Я замечаю дикую орхидею на стволе гнилого дерева. Когда-то в детстве я часами наблюдал, как мой дед возится с такими цветами в своем цветнике. Он очень любил эти цветы, нежные, как крылья бабочки.

Проводники продолжают шептаться. Обрывки фраз долетают до нас:

— Высадят десант... А может быть, что-то заметили в реке?

— Наверно, веревку.

Веревку мог забыть в реке предыдущий караван. За веревку держатся, переходя брод.

— Пойду посмотрю.

— Лучше я.

Молодой проводник, прячась в кустах, спускается к реке. Мы следим за ним. Если самолет-разведчик заметит его на прибрежном песке, то артиллерия, нацеленная на переправу, тотчас откроет огонь.

Тишина. Только глухой ропот воды. Судя по времени, проводник уже должен добраться до берега. Мы не видим его: наверное, не видит и самолет. Куок свертывает вторую сигаретку.

Вдруг самолет ложится на крыло. Заметил?!

— В случае обстрела незаметно отходите назад, — спокойно говорит нам начальник перехода. Он не отводит взгляда от реки.

Самолет делает новый круг над переправой. Куок держит незажженную сигарету во рту.

Вдруг самолет разворачивается и летит прочь от реки. Его гудение понемногу затихает. Снова слышен ропот воды.

Начальник перехода оборачивается к нам:

— Приготовьтесь, товарищи!

Надеваем вещмешки и спускаемся вслед за ним к реке. Молодой проводник ждет нас на берегу. Он улыбается нам.

— Ну, что это было? Веревка?

— Нет. Веревка вытянута на тот берег.

— Что же ему здесь было надо? — ворчит начальник. — Быстрее, быстрее, товарищи! — торопит он нас.

Река течет перед нами, прозрачная вода бурлит. Ниже по течению порог, небольшой, но все же опасный. К дереву на том берегу привязана веревка, но ее еще нужно переправить сюда.

Я смотрю на быструю воду и оцениваю свои силы. За спиной у меня тяжелый вещмешок, к поясу подвешены пистолет, фляжка, мешочек с рисом, перевязочный пакет. Да еще сандалии.

Тем временем нас догнала группа солдат Освобождения. Пока мы размышляли, что делать с нашим багажом, солдаты быстро упаковали свою ношу, перебросили винтовки за спину и шумно ринулись в воду. Для этих парней преодолеть течение — почти игра. В мгновение ока они перебрались на другой берег и скрылись в лесу. Словно вихрь промчался мимо нас. А мы все еще стоим.

Наш начальник скинул одежду. У него длинный шрам на плече — след ранения. Он плывет на тот берег за веревкой.

Куок и я подготавливаем не умеющего плавать Ксуонга к переправе. Из одежды, завернутой в непромокаемые плащи, мы сооружаем подобие спасательного круга и закрепляем его на впалой груди Ксуонга. Для пушей предосторожности обвязываем ему вокруг пояса веревку от гамака. Со всем этим снаряжением он становится похож на водолаза.

С того берега плывет начальник с веревкой. На середине реки сильное течение сносит его в сторону порога, ему приходится выпустить веревку и вернуться. После нескольких попыток с помощью молодого проводника, плывущего ему навстречу, они доставляют веревку.

Переправились через реку, и снова нескончаемый подъем по крутому склону ущелья. Все вверх и вверх...

Вековые деревья вокруг нас. Красивые места, но мы слишком измучены подъемом, чтобы обра-

шать внимание на природу. Каким тяжелым кажется вещмешок за спиной! Пот течет со лба, брови уже не задерживают его, он ест глаза. В ушах шумит.

Молодой проводник подбадривает нас:

ИЗ ВЬЕТНАМСКОЙ ПОЭЗИИ

ХАЙ ЛЕ

Дорога домой

Со мной тропинкою лесной
ты не идешь,
Мать не встречает нас с тобой.
В жару и в дождь
Шагаю вверх — на перевал
и вниз — к ручью.
Я дом родимый потерял,
я дом ищу.
Как мне знаком и этот лес,
в цветенье весь,
И эта синева небес:
я вырос здесь.
Прохладный ветер норовит
погладить лоб.
Весь путь мой язвами покрыт
от пуль, от бомб.
Иду вдоль изгороди... Зной —
сильнее тут.
Бананы виснут надо мной —
ведь их не рвут.
И только пепел и зола,
песок и пыль
Остались нынче от села,
где дом наш был.
Я раздвигаю листья — так
не ищут дом,
Так ищут разве что батат —
в земле, с трудом...
Да есть ли кто-нибудь, на чьей
земле разор,
И кто ораве палачей
не даст отпор!
Подземною траншеей мне
еще ползти.
О, сколько в ранах и огне
сел на пути!..
Ты далеко, любовь моя,
но ничего.
Я слово дал тебе, и я
сдержу его.

Перевела Тамара Жирмуинская

— Еще немного, товарищи, еще немного. Там, наверху, можно будет освежиться.

«Чем же мы там освежимся? — думаю я. — Разве сейчас есть на дорогах харчевни, где можно подкрепиться? Сейчас все воюют, некому заниматься торговлей на дорогах. Может быть, он хочет сказать, что наверху мы сможем поесть риса, который несем в мешочках на поясе?»

Чей-то бодрый голос окликает нас с вершины:

— Эй там! Пошевеливайтесь! Вы участвуете в революции, а не прогуливаетесь по парку. Разведчики сказали нам, что давным-давно видели вас у реки. Мы уж думали, что вы угодили в лапы к врагу.

Это новый проводник, который вышел нам навстречу. Наши проводники молчат, не объясняя причину задержки, в которой повинны только мы, их подопечные.

На вершине нас встречают радушно.

— Здорово устали, товарищи? Снимайте мешки, подкрепитесь рисом, передохните немного. Отсюда до поста — не дорога, а бархат.

Свежий ветер, долетающий с моря, проникает во все поры, наполняет легкие. Усталость как рукой снимает.

Наш молодой проводник широко разбрасывает руки навстречу ветру:

— Ветер! Хорошо освежиться!

Вот что он, оказывается, имел в виду!

Надышавшись вволю, мы принимаемся за свой рис, приправленный толченым арахисом и слегка подсоленный.

Наш новый проводник ест поджаренные зерна риса. Когда мы пытаемся угостить его, он отказывается:

— Я не ем вареный рис с солью. Ничего нет лучше поджаренных зерен: и пахнут хорошо, и в животе от них тепло делается.

Он открывает жестянку с зернами, насыпает себе в горсть и с аппетитом принимается грызть их, предлагая и нам отведать его любимого кушанья.

— А вы видели, как вертолеты высаживали недавно десантников?

— Где?

— Отсюда мне показалось, что у реки. Но вы уже должны были далеко уйти от нее.

— Ах вот почему там крутился разведчик!

— Смотрите, будьте осторожнее на обратном пути, — говорит он нашим прежним проводникам.

— Ха! Теперь-то, когда все путники целы и невредимы...

Он не доканчивает фразу, но я понял, что единственная забота проводников — это безопасность путников. Что касается их самих, то неприятельские отряды в лесу их нисколько не пугают.

Молодой проводник смеется:

— Как бы они не напали мои сандалии!

— Где ты их оставил?

— В лесу, под ветками.

— У тебя есть винтовка или нет? Так отвоюю свое добро!

— А как ты думал?!

Он взглядывает на свою винтовку, прислоненную к дереву.

— Тем более что они с мальчишкой и связываться не станут!

Все покатываются со смеху, а проводник наш краснеет до ушей.

(Продолжение следует)